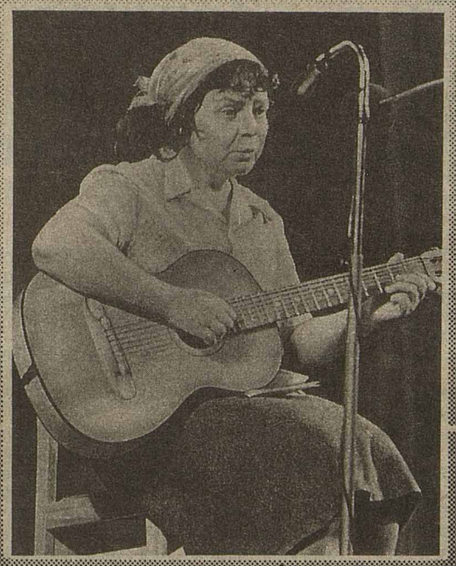
Матвеева Новелла 12.10.94. 344

Новелла МАТВЕЕВА

След волшебных колес

"Когда меня называют романтиком, я считаю это очень высоким комплиментом..."



Лит. газета. — 1994. — 12 окт. — с. 3.

Новелла Матвеева – пожалуй, самое таинственное явление в нашей поэзии и авторской песне. Ее имя давно уже мерцает в ореоле легенд и загадок, слухов и домыслов, вопросов без ответа. А все же хотелось бы знать: почему так иногда получается? Вот живет человек на белом свете и, слава Богу, здравствует. А о нем почему-то говорят "была". Едва ли не воспоминания пишут. Восклицают с ностальгической ноткой в голосе: "Ах, какие она раньше песни пела!" Почему же – раньше?! Ведь и сейчас поет.

Быть может, сама "виновата"? Ведь написала же:

Право, уйду! Наймусь
к фата-моргане:
Стану шутом в волшебном балагане,
И никогда меня вы не найдете:
Ведь от колес волшебных
нет следа.

Но не ушла и не собиралась даже. И искать ее особенно не нужно: в самом центре Москвы живет. А до недавнего времени регулярно выезжала со своим мужем, поэтом Иваном Киуру, в подмосковную Сходню – тоже не дальний свет. Впрочем, это как сказать.

Когда Иван Семенович тяжело заболел, "Скорая помощь" не торопилась ехать в Подмосковье – дескать, "это не наше дело, там своих врачей хватает". Но и для сходненских лекарей он тоже был "чужим"...

Так Новелла Николаевна осталась одна. В те страшные дни казалось: она не найдет в себе сил для дальнейшего существования. По крайней мере перестанет писать и петь. Слава Богу, этого не произошло.

Сегодня у нее юбилей. Надо ли говорить, что встречает она его без особого энтузиазма? Радоваться тут нечему, но и подводить итоги все-таки рановато. Жизнь продолжается, и о том, какой она видится Новелле Матвеевой – самому последовательному (а может, и самому последнему) романтику, – наш сегодняшний разговор.

...Изящных неточностей полный,
стих
Построился не от сих до сих,
Но от таких-то и до таких-то,
Как полу-рыба и полу-пихта.

В нем что-то есть, а чего-то нет...
Но если и не был в нем явлен –
поэт,
То был – человек! И сосед наш
сверху;
Глотавший книги, читавший
сверку,

Историк. И стоик! И друг отца!
Пришедший, как луч из развалин
дворца,
Из тех – оставшихся до конца
Немногими, – кратких минут уюта,
Что были так люто завидны
кому-то!

Минут,
Которых так мало ВСЕГДА
(Видать, увела их чужая звезда,
Украла у нашей –
в порядке наживы)!
Минут,
Когда мы с тобой – были живы!

– Новелла Николаевна, когда вам жилось и писалось свободнее: сегодня или в прошлые годы?

– Знаете, дома мне всегда свободно было, а на улицу я теперь редко выхожу. Живу, как Робинзон на необитаемом острове. Замкнулась я так и по своей воле, и по воле моих печальных обстоятельств. Да и работы кабинетной много. Так что работаю, впадаю в аполитичность... Может, и хорошо, что я в своем неведении ни к кому не присоединяюсь? Так все пестро и непонятно кругом.

– У вас нет телевизора...

– И не было никогда. А теперь уже надо поберечь зрение. Может быть, телевизор меня бы политически просветил. А из окна – много ли увидишь?

– Ну, а газеты вы читаете?

– Иногда. Они сегодня очень дороги: покупаю редко, знаю плохо...

– Что же вас все-таки связывает с сегодняшним днем?

– Радио. Но и по радио я люблю слушать в основном инсценировки русской классики, а также то, что хочется назвать "высоким детективом": Конан Дойла, Сименона, Агату Кристи. "Лунный камень" Уилки Коллинза с гениальным участием Евгения Евстигнеева – вот сколько раз его еще передадут, столько буду слушать. А главы из "Братьев Карамазовых" в исполнении Михаила Ульянова считаю просто большим событием в искусстве. Нравятся мне песенные передачи Татарского и Макарова. Очень люблю Мирей Матье, Патрисию Каас. Рада лишний раз услышать Ива Монтана, который, сам того не ведая, заставил меня когда-то ввязаться в трудное песенное дело.

В кощунстве – там,
где во скиту святом
Жил мученик. В грабительстве
казны.
Величие мы в девках видим...
В том,
В чем непотребство видеть бы
должны.

Мы с виду – хоть куда!
(Хотя не раз
Со стороны подошвы видел нас
Щенок бездомный,
сын пинков и травль.)

Но в грозных сечах нам страшнее
всех –
Бунт роз. Ягнячье право.
Мертвый лев.
И хиросимский маленький журавль.

– Ваши стихи последнего времени, несмотря на вашу политическую отстраненность, затрагивают многие, так сказать, жгучие проблемы современности. Стало быть, не так уж все далеко от вас?

– Как вам сказать... Когда-то я "переувлеклась" политикой, слишком много ее у меня было. Теперь она если и попадает в мой стих, так только по инерции.

– Одно из ваших новых стихотворений называется "Хаос". В нем вы рисуете довольно мрачную картину окружающей действительности, называя ее "сбывающимся сном Экклезиаста". Когда же у вас возникло ощущение, что сон этот начал сбываться?

– Не знаю. Мои личные невзгоды както перемешались с общественными, я их не всегда умею отличать. Но коль вы так упорствуете, могу кое-что сказать и о делах общественных, но это, конечно, будет мнение дилетанта. Например, хорошо, что государственная цензура отменена, что возвращается религия и восстанавливаются храмы, что общество стало уделять больше внимания защите зверей и вообще природы. А плохо то, что упраздненная вроде бы цензура все-таки никуда не ушла, спряталась в толпе и в любую минуту может напасть на вас с самой неожиданной стороны. Плохо то, что мы, нежненько улыбаясь, сами себе закрыли выходы к морю, что фанатизм стяжательства сами в себе принимаем за огонь правдолюбия. Плохо то, что наш литературный и разговорный язык усилиями свифтовских академиков-лапутян доведен до неузнаваемости, пал до состояния жаргона... Впрочем, чтобы не ругаться, подобно извозчику и сапожнику вместе взятым, я умолкаю.

ВЕЛИЧИЕ?

Величие мы часто видим в том,
Чтоб, ни греха не чуя, ни вины,
Напасть на безоружного – гуртом,
Впотьмах, из-за угла и со спины.

– Новелла Николаевна, и все-таки почему-то принято считать, что вы неисправимый романтик, живущий в башне из слоновой кости, в иллюзорном мире "солнечных зайчиков" и "рыжих девочек"...

– Романтик не может жить в башне из слоновой кости, потому что он человек труда, человек подвига, человек бедствующий. Словом, Дон Кихот, у которого, как мы знаем, никаких башен не было... Когда меня называют романтиком, я считаю это очень высоким комплиментом, может быть, даже не совсем заслуженным.

– Это правда, что вы недолюбливаете критику?

– Смотря какую. Сначала критики говорили по моему адресу лишь какие-то романтические обобщенности. Было это немножко сладко и не очень натурально. Другие приписали мне "оторванность от жизни". Отвечать на такие выпады мне даже нравилось: когда глупость преподносится в столь сконцентрированном виде, это дает заряд энергии, сообщает новые мысли.

– А как вы думаете, с чего это критика на вас вдруг ополчилась?

– Зоилы не терпят инакомыслия. Они много наговорили о том, что я существо не социальное, тепличное, оранжерейное. А ведь то, что я сочиняла, всегда было сколько-то социально, да беда в том, что не на их лад. Не всегда мое перо было удачливым, но я стремилась к самостоятельности и по мере сил старалась исходить не из злобы дня, а из вечных заповедей христианства. Даже когда еще не веровала. Интуитивно.

– А как насчет заповеди "любите врагов ваших"? Удается ей следовать?

– По-моему, за всю жизнь я никому ни за что не отомстила. Чего не было, того не было (разве что кому-то было благо-угодно заболеть, а то и погибнуть от эпиграммы? – но тут дело приходится бросать на усмотрение самих погибающих). Вообще я не мстительна, но, к сожалению, кажется, злопамятна. Ибо трудно забыть зло, оставшееся ненаказанным. Конечно, одно утешение – Бог всех нас рассудит. Но что до людей, то никогда не могла понять, с какой стати они всегда запрещали мне самозащиту?! Ведь мстительность – одно, а самозащита – совсем другое.

ОТЗЫВ НА ОТЗЫВЫ

Пример бесчеловечности плачевной
Я вам являю в опытах моих,
Вставая то зверюгой- Палачевной,
То бледным эльфом декадентских
книг;

Пигмейцей в добре, в зле –
Каланчевной,
Как вам когда ловчей... Встает
мой стих
То призрачностью замков родовых,
То себялюбья скотскою харчевней.

Что только мне ни ставилось
на вид!
Сдвиг звезд... Несходство города
с деревней...
"Там человек сгорел!" –
неслась цитата...

Да как же я могу быть виновата
В злодействах ваших, если я пиит,
"Оторванный от жизни
повседневной"?!

– В своих ранних стихах вы воспевали многие достижения советской эпохи. Как быстро прошла эта восторженность?

– А не было уж такой особенной восторженности. Я никогда не состояла ни в октябрятах, ни в пионерах, ни в комсомольцах, ни тем более в партии. Видеть хорошее в тех временах учил меня отец – человек благородный, опиравшийся на самые высокие (и, может быть, утопические) представления о коммунизме. А я уже следовала его представлениям.

– Идеологическая машина того времени охотно подхватила ваше четверостишие: "Земной рабочий молот / Упал на лунный серп. / Какие силы могут / Разрушить этот герб?!" Так какие же силы разрушили его в конце концов?

– Вы полагаете, он разрушен? По-моему, нет. Ушла его политическая сущность, но в общечеловеческом смысле этот символ жив по-прежнему. Так же, как живо кузнечное ремесло, жив крестьянский труд, на котором, что ни говори, все и держится. А сегодня труд не в почете. И святое триединство – "Свобода, Равенство, Братство", – не раз преданное, многие хотят расщепить, словно атом. Оставить братство и свободу, а равенство убрать. Да как же мы будем братьями, если не будем равны? И какая свобода может быть при неравенстве?..

НА ОТРИЦАНИЕ РАВЕНСТВА

Нетрудно равенство найти
в своем кругу
Меж тех, кого мечта, судьба
и предпочтенье
Связали поисками общего растенья
И общих раковин на белом берегу.

А ты найди его, как шпильку
в том стогу,
Среди стихийного судеб
хитросплетенья,
В космичности несходств, неродств,
несовпаденья,
В толпе хромых, кривых,
сгибаемых в дугу...

"Свобода, Равенство и Братство"!
За бутылкой
В их триединую природу тыча
вилкой
(Как будто это все – твой личный
кресс-салат!),

Напрасно мнишь разъять
расчетливостью дикой
Единственную весть
парижских баррикад,
Поднесь оставшуюся честной
и великой.

– Самая большая ваша книга "Избранное" вышла в 1986 году. Она включила в себя то, что было издано в маленьких сборниках за все предыдущее время. Но многие замечательные ваши стихи вот уже тридцать лет ждут публикации – и все никак не могут дождаться. Почему вы их не включили туда?

– Всего вместить невозможно, даже в те восемнадцать печатных листов, которые мне предоставила "Художественная литература". Кстати, у этого издательства был принцип печатать в основном только то, что уже было в книгах.

– Ну, а если бы сейчас вам выпала возможность собрать собственную книгу, какой бы она была?

– Это были бы три тома как минимум. И вошло бы туда только неопубликованное.

– А много ли у вас совсем новых стихов?

– Нет, написала я в последнее время не так уж много. Исключение – сонеты: их сочинилось видимо-невидимо. Почему-то именно в сонетах больше всего успокоения, того, что я называю "стихотерапией".

– Давно ли вы написали последнюю песню?

– Осенью 91 года. Называлась она "Баллада о розе". Тогда у меня было какое-то приподнятое настроение, казалось, все пойдет хорошо. А оно вон как вышло.

– Не чувствуете ли вы себя сегодня забытой, всеми покинутой?

– Нет, не всеми. Все-таки появляются разные публикации, и (не сглазить бы!) сравнительно часто. С книгами, конечно, труднее.

– Публика давно ждет ваших концертов, которых не было вот уже почти восемь лет...

– Я выступила бы с песнями охотно. Но, может быть, мне это только кажется, потому что настроение – вещь обманчивая. А в общем-то, наверное, и нет этого настроения, даже в обманчивом виде...

– Где же выход из вашего упадка? Неужели вы никогда не сможете почувствовать себя счастливой?

– Счастливой, наверное, нет. С другой стороны, уныние – тяжкий грех. Наверное, надо его как-то преодолевать. Либо я поборю его, либо – оно меня. Там видно будет...

Я ПОНИМАЮ ВАС!

Достойный дю Белле писал
из Рима другу,
Что мало пишется, что
вдохновенья нет.
Но звонко между тем, сонет
сонету вслед
Из-под пера его летел, как вихрь
по лугу...

Что это значило б? Неужто лгал
поэт?
И ловко пряча взлет, изображал
натугу?
Нет. Просто... он не мог вменить
себе в заслугу
Без чувства РАДОСТИ набросанный
терцет...

Сама поэзия "не в счет",
когда унынье
Ей точит карандаш. Когда забота
клинья
Вбивает между строф. Растет
стихов запас...

Но если качество творишь
без увлеченья,
То и количеству не придаешь
значенья.
Высокочтимый мэтр, я понимаю
Вас!

Вел беседу **Михаил НОДЕЛЬ**